

Владимир Белов

«ВЕЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ» В ИССЛЕДОВАНИИ ТВОРЧЕСТВА М. М. БАХТИНА

В статье представлен полемический разбор некоторых положений монографии известного исследователя истории русской философии Роберто Салиццини, посвященной анализу творчества М. М. Бахтина. Автор оспаривает мнение, широко распространенное в исследовательской литературе, согласно которому Бахтин не просто не оригинальный и не интересный философ, а плагиатор, который умело использовал философские идеи других (прежде всего европейских) авторов в своих произведениях и никак на них не ссылался. Читателю предлагается поразмышлять над «вечными проблемами» бахтинистики: было ли творчество Бахтина самостоятельным или он заимствовал свои идеи у других авторов, был ли Бахтин теоретиком литературы или философом, к какому философскому направлению более всего тяготеет его концепция, в чем именно заключается оригинальность творчества русского мыслителя. Отмечая, что Бахтина не стоит «приписывать» к какой-то определенной философской школе, автор показывает, что ближе всего философская позиция русского мыслителя находится к неокантианству. В то же время, она была позицией самостоятельной, поскольку основывалась на творчески усвоенных ключевых положениях марбургской школы, позволяющей вести продуктивный диалог с конструктивными идеями других философских направлений, в том числе феноменологии и герменевтики. Смысл полемики с Роберто Салиццини автор видит в том, чтобы стимулировать исследования культурфилософской концепции Бахтина в ее диалогическом варианте.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, Роберто Салиццини, М. И. Каган, бахтинистика, диалог.

The article presents a polemical analysis of some statements from the monograph of the well-known Italian researcher of the history of Russian philosophy Roberto Salizzoni, devoted to the analysis of Mikhail Bakhtin's works. The author objects to the opinion, which is rather widespread in the European and Russian research literature, according to which Bakhtin should be not considered as an original or even interesting philosopher because he obviously is a plagiarist who skillfully used in his works the philosophical ideas belonging to other (primarily European) authors and did not refer to them at all. The reader is invited to reflect on the "eternal problems" of Bakhtinistics: whether Bakhtin's work was independent or he borrowed his ideas from other foreign and Russian authors, whether Bakhtin was a theorist of literature or a philosopher, and if so, which philosophical trend his conception should be referred to, what makes his creativity specifically philosophical. The author asserts that Bakhtin's views should not be described as resulting from any particular philosophical school. However, if it is necessary to discover the premises of Bakhtin's thought, they can be found in neo-Kantianism. At the same time, the philosophical position of the Russian thinker was an independent one because it was based on the creatively interpreted key ideas of the Marburg school. This fact made it possible for Bakhtin to carry on a productive dialogue with constructive ideas of other philosophical trends, including phenomenology and hermeneutics. The author believes that his polemic with Roberto Salizzoni will stimulate the study of the philosophical teaching of Bakhtin in its dialogical version.

Keywords: M. M. Bakhtin, Roberto Salizzoni, M. I. Kagan, Bakhtinistics, dialogue.

Предлагаемая статья возникла как результат размышлений о книге туринаского профессора, известного исследователя истории русской философии Роберто Салиццони, посвященной анализу творчества М. М. Бахтина [2]. Прежде всего, автор статьи не согласен с данной в книге уничижительной оценкой творчества Бахтина как неоригинального и, более того, плагиативного.

Указанная книга итальянского философа – хороший повод еще раз (и уже который!) обратиться к проблемам восприятия и анализа жизни и творчества одного из самых, если не самого, изучаемых русских мыслителей XX века Михаила Михайловича Бахтина в России и на Западе. Хороший повод потому, что обозначенная работа содержит, пожалуй, весь спектр аргументов в пользу достаточно распространенной точки зрения на творчество русского мыслителя, особенно на Западе (но и не только), и сводящейся к тому, что Бахтин не просто не оригинальный и не интересный философ, но, к тому же, философ коварный и хитрый, который умело использовал идеи других авторов в своих произведениях, никак на них не ссылаясь и не указывая. Что же касается популярности и известности, которую заслужил этот русский мыслитель, то это во многом (если не во всем) – результат тех обстоятельств, в которых Бахтину пришлось жить и работать. Если бы не было идеологического давления, требующего марксистского единообразия в гуманитарной теории, и если бы не было железного занавеса, препятствующего научной коммуникации России с Западом, то никакого «феномена Бахтина» и вытекающего из него «бахтиноведения», или «бахтинистики», не состоялось бы; в лучшем случае русский мыслитель оказался бы в числе плеяды талантливых (а может, и не очень) последователей феноменологии или герменевтики, структурализма или даже постмодернизма.

В какой-то мере такая позиция западного автора – это защита, ответ на обвинения некоторых отечественных авторов в непонимании западными исследователями российских реалий¹. В какой-то мере она – оборотная сторона того стремления к сверхоригинальности Бахтина, того энтузиазма, который охватывал буквально всех, обращавшихся к анализу творчества русского мыслителя и обнаруживавших в однобоких идеологизированных презентациях марксизма в советских источниках что-то абсолютно

¹ На подобные факты указывала, в частности, Е. А. Богатырева [4].

выбывающееся из привычного монотонного хора: такое восторженно-вдохновенное восприятие первых лет «открытия Бахтина» делает оценку его творчества зависимым от ситуативных предпочтений исследователя.

Второе, на что здесь хотелось бы обратить внимание и что также выступает одной из причин «негативного отката» в западных оценках творчества Бахтина, – это попытка представить русского мыслителя исключительно в качестве критика литературы, литературоведа, специалиста в области литературы. Отсюда и вывод Роберто Салиццони о решающем влиянии работ Л. В. Пумпянского на концепцию «автор – герой» Бахтина. Анализируя работу Пумпянского «Достоевский и античность» (Петербург, 1922, на обороте титульного листа указано: «Доклад, читанный в Вольной Философской Ассоциации 2 октября 1921 г.») и сравнивая ее с произведениями Бахтина, итальянский исследователь пишет: «Книжечка Пумпянского является изображением автора в восстании, которое им завладело как нечто случайное, как магнитное поле, которое притягивает термины, проблемы, тревоги, широко распространенные в окружающей культурной среде, которое хаотично перемещается между символизмом и формализмом, между онтологией Соловьева и неокантианством, но которое находит свой источник и общий корень главным образом в наследии Ницше – “Рождении трагедии” и дионисийстве, из него вытекающем. В целом, согласно Пумпянскому, есть лишь тревожный образ героя, который бунтует против автора для того, чтобы выйти в жизнь. По моему мнению, это образ, под влиянием которого Бахтин ставит фундаментальную проблему своей философии, и поэтому он обречен на то, чтобы скрыто или явно постоянно возвращаться к нему в своих текстах. Возможно, Пумпянский сыграл решающую роль в процессе синхронизации Бахтина с культурной действительностью его мира; возможно, Бахтин нашел у него лишь арсенал ясно выраженных вопросов, которые он уже хорошо знал... Тем не менее, удивляет тот факт, что все, буквально все фрагменты, отмеченные провокацией и убеждением, все неупорядоченные, но живые грани текста “Достоевский и античность” в разной мере повторяются в произведениях Бахтина» [2, с. 8–9].

Однако более взвешенной и обоснованной представляется утверждение авторитетных отечественных исследователей творчества Бахтина С. Г. Бочарова и М. Е. Соболевой. «Несмотря на то, –

подчеркивает, в частности, М. Е. Соболева, – что свои основные идеи Бахтин развивает на материале литературы, его эстетику можно охарактеризовать как философскую, которая подготавливает фундамент в том числе и для литературоведческого анализа» [10, с. 475].

Вряд ли стоит в данном случае игнорировать и самооценку того, о ком мы здесь ведем речь. В беседе с В. Д. Дувакиным, вспоминая годы обучения в Одессе, Бахтин прямо заявляет:

«Я был уже... Я был философом. Видите, я бы так сказал...

Д.: Вы были больше философ, чем филолог?

Б.: Философ, чем филолог. Философ. И таким и остался по сегодняшней день. Я философ. Я мыслитель» [7, с. 47].

Ах, если бы беседу вел не филолог, а философ! При всем уважении к личности Виктора Дмитриевича Дувакина, все же нельзя не отметить то, что он выстраивал беседу вокруг тем, которые были ему самому интересны; что же касается Г. Когена, П. Наторпа, Г. Риккерта, Э. Кассирера, Ф. Ланге, С. Кьеркегора, В. Вундта, то эти имена, прозвучавшие из уст Бахтина, ему ничего не говорили, о некоторых он слышал впервые, поэтому до нас дошли лишь немногочисленные отрывистые реплики, на основании которых невозможно, конечно, реконструировать всю историю философской школы (школы в широком смысле истоков и позиции) Бахтина, но можно понять, кем всегда считал себя русский мыслитель и каковы «питательные корни» его литературоведческих размышлений.

Продолжая рассуждения о самоощущении Бахтина как философа, можно обратиться к еще одной «животрепещущей» теме бахтинистики, а именно теме «круга Бахтина» и соответственно теме влияний или взаимовлияний представителей этого круга. Здесь следует заметить, что из всех близких Бахтину людей, входивших в так называемый «круг Бахтина», профессиональным философом, причем получившим философское образование в Марбургской школе неокантианства, был только М. И. Каган. Поэтому нетрудно предположить, что именно пара «Бахтин – Каган» должна вызывать наибольший интерес у исследователей. Особенно после того, как появился первый сборник работ М. И. Кагана [5; 9, с. 162–181].

И, наконец, последний сюжет, на который хотелось бы обратить внимание в контексте наших размышлений, – это вопрос, ка-

ким философом был Бахтин. В книге итальянского профессора по этому поводу говорится буквально следующее: «Действительно, прежде всего у раннего Бахтина имеются частые имплицитные и эксплицитные отсылки к Канту, кроме того, сообщения о семинарах и дискуссиях по Канту, но это – Кант, сильно опосредованный русским восприятием начала века, то есть воспринятый через спектр внимания очень своеобразного и в основном враждебного. Действительно, имеется Герман Коген, в частности, и неокантианство в целом (мы это видели), но после того, как указано на присутствие ссылок, терминов и некоторых концептов его философии, интерпретатор, а не агиограф, спрашивает себя: какое имеет отношение все это к Когену и неокантианству? Нельзя отрицать заметного присутствия Шелера в произведениях первой половины 20-х гг., философа, которого обильно использовали, но мало цитировали, и почти никогда для более существенного идейного сближения. Верно, что впоследствии будет подтверждено присутствие Кассирера, ограбленного в монографии сороковых годов, посвященной Рабле, где можно найти целые страницы, обширные цитаты без кавычек и ссылок на источник» [2, с. 48].

Как ни странно, уважаемый автор выразил в процитированном отрывке одну важную мысль: не стоит Бахтина стремиться «приписать» к какой-то определенной философской школе. Однако является ли данная мысль аргументом в пользу отрицания за русским мыслителями собственной философской позиции? Очевидно, что нет. С одной стороны, можно вспомнить здесь и споры вокруг неокантианской принадлежности одного из самых – если не самого – известных учеников Г. Когена Э. Кассирера². Но, с другой стороны, и философская эклектика вряд ли является положительной оценкой такой философской позиции. Поэтому, опять же, принимая во внимание мнение самого Бахтина³ и то, что ближайший его соратник был выходцем из этой школы, выскажем осто-

² Вот что замечает по этому поводу авторитетный немецкий исследователь неокантианства Е. Орт: «Тезис о том, что Кассирер преодолел или трансформировал неокантианство, скорее ошибочен, поскольку содержит в себе неверное представление о неокантианстве, ибо неокантианство не являлось постоянной величиной. Оно разрешало и прямо-таки требовало широкой внутренней игровой границы» [1, с. 162].

³ Известно высказывание М. М. Бахтина о Германе Когене: «Это был замечательный философ, который на меня оказал огромное влияние, огромное влияние, огромное» [7, с. 40].

рожное – без достаточной аргументации – предположение о неокантианских корнях в сформировавшейся философской позиции Бахтина, которая уже поэтому не могла быть эклектичной и в то же время была позицией самостоятельной, основанной на творчески усвоенных ключевых положениях марбургской школы, позволяющей вести продуктивный диалог с конструктивными идеями других философских направлений, в том числе феноменологии и герменевтики.

Следует отметить, что в целом к неокантианству в советской и постсоветской философской и общественной мысли существует предвзятое отношение, сформированное трудно преодолимыми стереотипами и обвинениями в методологизме и логизме, представляющими марбургское неокантианство тупиковой ветвью развития трансцендентальной философии Канта, сошедшей на нет после Первой мировой войны. С такой предвзятостью трудно сочетается факт общепризнанного влияния неокантианства на развитие культурфилософской парадигмы XX века⁴.

Но как же тогда понять критику «рокового теоретизма» и «отвлеченного теоретического мира» неокантианства в ранних работах русского мыслителя? Интересную точку зрения высказал по этому поводу известный отечественный исследователь творчества Бахтина В. Л. Махлин: «У Бахтина вообще довольно необычный подход к предшественникам и современникам: он принципиально критикует тех, кто ему ближе всего по “запросу на идею”, и, наоборот, склонен подчеркивать, а при особых обстоятельствах даже развивать) именно сильные стороны в построениях своих духовно-идеологических и научных оппонентов. Отсюда обычные aberrации и провалы при попытках установить действительное отношение Бахтина к неокантианству, с одной стороны, к марксизму, русскому формализму и структурализму, с другой» [8, с. 445].

Бахтин ищет ту первореальность, которая была бы реальностью человека и в то же время не была бы полностью его реально-

⁴ Повторю здесь свою мысль, в другом месте мною обоснованную: «Философия культуры марбургского неокантианства представляет из себя не часть философии как таковой этого направления, не тот полюс неокантианской мысли, к которому она эволюционировала в процессе развития Марбургской школы от Когена к Кассиреру, а quintessenciu философской позиции всех ее основных представителей – Когена, Наторпа, Кассирера, которая в существе своем заключала кантовскую интенцию необходимости синтеза естественных и гуманитарных наук на рациональной основе» [3, с. 64].

стью, не была бы в его полном распоряжении, где человек мог бы делать все, что ему захочется, в том числе и ничего не делать. Бахтин ищет такую первореальность, такое бытие, где у человека не было бы «алиби», не было бы готовой схемы поведения, скрывающей первоначальные интенции живого опыта. Такой первореальностью, согласно философу, может быть не бытие, а со-бытие, событие (русский язык позволяет провести здесь подобную смысловую игру словами). Событие – место «не-алиби» человека в бытии, где он открывается Другому, становится от него зависимым, где человек становится беззащитным, где с ним может произойти все, что угодно. Событие – это то пограничное пространство, точнее, там уже нет пространства, черта, очертание, где встречаются внутреннее и внешнее человека, его душа и тело, которые, объединяясь, оголяют сугубо личностные границы. В русском языке есть словосочетание «оголенные нервы»; так вот, в событие человек вступает именно с оголенными нервами. Если бы в событии не оказалось Другого – предположение, содержащее противоречие в условии, – то человек «рассыпался бы», рассредоточился в бесконечном пространстве. Другой в буквальном смысле создает, лепит, ваяет, он выступает в событии в качестве художника. Поэтому у Бахтина событие включает в себе не этический смысл (в подобном случае произошла бы «интервенция» другого, его насилие; Другой творит, не насильничая), а эстетический смысл. Философ считает эстетическую позицию более нейтральной и естественной, менее агрессивной и заданной, чем этическую.

Событийное, первоначально межличностное пространство карнавално. Эта метафора понадобилась Бахтину для более предметного описания того факта, что изначально личностное ничем не задано: ни экзистенциально (бытием к смерти, страхом перед бездной, провалом, тьмой), ни социально (переодевания сеньора в шута, крестьянина – в вельможу), ни этически (праведный мог и должен был по карнавалной сути временно преобразиться в разбойника, честный – в лгуна, справедливый – в насильника и т.д.).

Главная проблема, которую решает Бахтин, – это вечная проблема любой философии, но которая с обозначением первореальности-события приобретает специфический оттенок, – это проблема преодоления дуализма – в любом его проявлении – человеческого существования, причем – и это не вторично, а также первично, как и само преодоление – не монистическим путем (либо

диалектическим снятием противоположностей в чем-то более ценном и высоком, либо абсолютизацией одной противоположности за счет другой), а путем дуалистическим. То есть предполагается такое преодоление дуальности, которое выводило бы дуальные противоположности из их противоречивой друг другу самозамкнутости и в то же время сохраняло их непротиворечивую самодостаточность.

Замечательно то, что Бахтин открыл реально существующее пространство, в котором все основные его идеи оказались реализованными. Скорее, даже открыл не пространство, а сами идеи, которые уже существовали в этом пространстве, в пространстве творчества Ф. М. Достоевского. Бахтин эксплицировал научным языком то, что имплицитно в художественной форме содержали в себе произведения великого русского писателя. Таким образом, герой Достоевского – не объект, пусть и одушевленный, а равноправный субъект, которого нельзя познать и описать, в которого нельзя проникнуть прежде, чем тот сам этого захочет и откроется. Поэтому полифоническое пространство произведений Достоевского – это пространство непрекращающегося диалога. Для героев произведений русского писателя быть – значит общаться диалогически. Сравнивая диалоги Достоевского с диалогами Платона, Бахтин еще более отчетливо подчеркивает специфику принципиальной незавершенности диалогов русского писателя в отличие от заданности и нацеленности на поиск идеи диалогов античного автора. Именно в таком бесконечном споре-диалоге происходит общение «Я» с Другим прямо на почве последних вопросов, минуя все промежуточные, ближайшие формы. Как правильно отмечает Ю. Г. Карагод, и в диалогической концепции позиция Бахтина обладает своеобразием и спецификой [6, с. 10].

Высказанные в данной статье соображения ни в коей мере не нацелены на то, чтобы упростить или «сузить» научные проблемы, связанные с исследованием творчества русского мыслителя XX века М. М. Бахтина. Совсем напротив, ее целью можно считать двуединую задачу: поставить предел экстенсивному развитию этих исследований для того, чтобы обратиться к интенсивному развитию таковых. Более конкретно можно выразиться так: анализу следует подвергать культурфилософскую концепцию Бахтина в ее диалогическом варианте. Пусть это звучит, может быть, и не оригинально и не ново, но неутихающие споры вокруг различ-

ных тем бахтинистики свидетельствуют о постоянной актуальности обозначенного подхода.

Литература

1. Orth E.W. Von der Erkenntnistheorie zur Kulturphilosophie. Würzburg, 1996.
2. Salizzoni R. Michail Bachtin, autore ed eroe. Torino: Trauben, 2003.
3. Белов В.Н. Введение в философию культуры. М., 2008.
4. Богатырева Е.А. Разноречие и разногласия: дискуссии о М. М. Бахтине в Бертиноро // Культурологический журнал. 2012. № 3.
5. Каган М.И. О ходе истории. М., 2007.
6. Карагод Ю.Г. Со-бытие как способ самореализации человека // Философия. История. Культура. Вып. 2. Саратов, 2001.
7. М. М. Бахтин: Беседы с В. Д. Дувакиным. М., 2002.
8. Махлин В.Л. Бахтин и неокантианство (подступы к проблеме) // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М., 2010.
9. Пул Б. Роль М. И. Кагана в становлении философии М. М. Бахтина (от Германа Когена к Максу Шелеру) // Бахтинский сборник. Вып. 3. М., 1994.
10. Соболева М.Е. Герман Коген и Михаил Бахтин: диалог об эстетике? // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М., 2010.

Belov, Vladimir N. "Eternal problems" in the study of M. Bakhtin's works

References

1. Orth, E.W. *Von der Erkenntnistheorie zur Kulturphilosophie* [From epistemology to cultural philosophy], Würzburg, 1996.
2. Salizzoni, R. *Michail Bachtin, autore ed eroe* [Mikhail Bakhtin, author and hero], Torino: Trauben, 2003.
3. Belov, V.N. *Vvedenie v filosofiyu kul'tury* [Introduction to the philosophy of culture], Moscow, 2008.
4. Bogatyreva, E.A. Raznorechie i raznoglasiya: diskussii o M. M. Bahtine v Bertinoro [Contradictions and disagreements: discussions about M. M. Bakhtin in Bertinoro], in *Kul'turologicheskij zhurnal* [Culturology journal], 2012, no. 3.
5. Kagan, M.I. *O hode istorii* [About the development of history], Moscow, 2007.
6. Karagod, Yu.G. So-bytie kak sposob samorealizacii cheloveka [Co-being as a way of self-realization of man], in *Filosofiya. Istoriya. Kul'tura* [Philosophy. History. Culture], no. 2, Saratov, 2001.
7. *M. M. Bakhtin: Besedy s V. D. Duvakinym* [M. M Bakhtin: Conversations with V. D. Duvakin], Moscow, 2002.
8. Mahlin, V.L. Bahtin i neokantiansvo (podstupy k probleme) [Bakhtin and Neo-Kantianism (approaches to the problem)], in *Neokantiansvo nemeckoe i russkoe: mezhdru teoriej poznaniya i kritikoj kul'tury* [German and Russian Neo-Kantianism: between the theory of knowledge and the criticism of culture], I. N. Grifcova, N. A. Dmitrieva (eds.), Moscow, 2010.

9. Pool, B. Rol' M. I. Kagana v stanovlenii filosofii M. M. Bahtina (ot Germana Kogena k Maksu Sheleru) [The role of M. I. Kagan in the formation of the philosophy of M. M. Bakhtin (from Hermann Cohen to Max Scheler)], in *Bahtinskij sbornik* [Bakhtin's collection], no. 3, Moscow, 1994.
10. Soboleva, M.E. German Kogen i Mihail Bahtin: dialog ob ehstetike? [Hermann Cohen and Mikhail Bakhtin: dialogue about aesthetics?], in *Neokantianstvo nemckoe i russkoe: mezhdu teoriej poznaniya i kritikoj kul'tury* [German and Russian Neo-Kantianism: between the theory of knowledge and the criticism of culture], I. N. Grifcova, N. A. Dmitrieva (eds.), Moscow, 2010.

DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.1.13>